

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

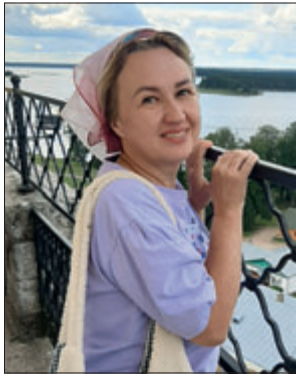

РОМАН №24 ГАЗЕТА

Екатерина Рощина / Розовый дым

РОЩИНА Екатерина Борисовна

Родилась и живет в Москве. Окончила Московскую Академию печати, работала редактором, журналистом. Колумнистка. Более двадцати лет составляет и редактирует журнал «Детская Роман-газета». Член Московского Союза журналистов.

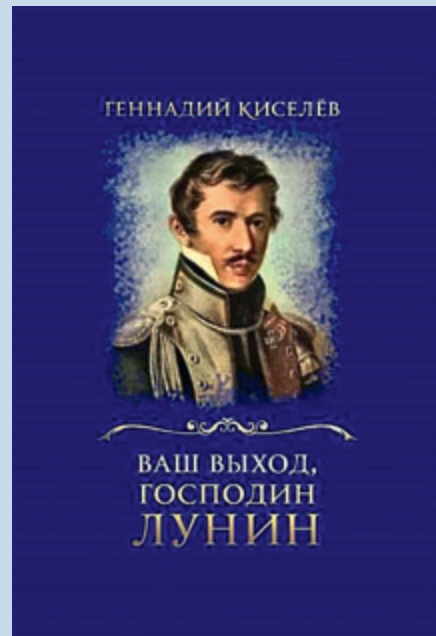
Автор сборника рассказов и повестей «Щучья@ ксень», «Возвращайся по первому снегу», «Гештальт» и др.

Сотрудничает с газетой «Вечерняя Москва». Опубликованные в этом журнале рассказы были написаны для рубрики «Новелла» еженедельника «Вечерняя Москва» и именно там впервые напечатаны.

КНИГИ НАШИХ АВТОРОВ

В издательстве «Молодая гвардия» в знаменитой серии «Жизнь замечательных людей» вышла книга Олега Трушина «Фёдор Абрамов». Олег Трушин — писатель, историк, литературовед, автор ряда художественных и публицистических книг о культурно-историческом наследии, природы России. Лауреат многих литературных премий, в том числе — премии ЦФО РФ в области литературы и искусства, премии им. М. М. Пришвина. Член Русского географического общества. В книге «Фёдор Абрамов» Трушин открывает читателю малоизвестные страницы жизни автора знаменитой тетралогии «Братья и сестры».

В издательстве «Первый том» (Москва) вышла книга Геннадия Киселева «Ваш выход, господин Лунин». Геннадий Киселев — актер, писатель, поэт. «Ваш выход, господин Лунин» — книга о единственной фантазмагорической постановке спектакля в провинциальном театре Забайкалья. Во многом автобиографическая вещь — когда-то Киселев играл одного из декабристов в спектакле «Записки княгини Волконской». Необычная повесть, где причудливо переплетается история и современность, но по-прежнему главным остаются любовь, дружба, порядочность и взаимовыручка.

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

Редакционная коллегия:

Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

Ответственный редактор
Елена Русакова

Права на использование товарного знака «Роман-газета» принадлежат ООО «Роман-газета»
© ООО «Роман-газета», 2021
Все права защищены
© ОАО «Вечерняя Москва», 2021

Журнал зарегистрирован в Министерстве связи и массовых коммуникаций РФ. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-68350 от 30.12.2016 г.

Подписаться на журнал «Роман-газета» можно в отделениях связи и через Интернет: roman-gazeta-1927@yandex.ru

Подписные индексы издания:

в объединенном каталоге

«Пресса России»
38915 на полугодие;

в электронном каталоге «Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может не совпадать с позицией редакции

2021 №24 /1893/ Основана в 1927 г.

Екатерина Рощина

РОЗОВЫЙ ДЫМ

Рассказы

ИСТРИНСКИЕ ВЕДЬМЫ

— О-У-И! О-У-И! — доносятся до меня странные звуки с веранды. Будто какой-нибудь морской котик подает сигналы. Почему именно морской котик? Да просто — животное милое, а какие он звуки издает, кто ж его знает. Стонет нежно, тонким голоском, но за этим «О-У-И» сила. Голосок перекрывает шум моря и свист ветра.

На самом деле — конечно, никакой это не морской котик и не шумит море. Ветер — да. А «О-У-И» — так голосит подруга моя Танька, которая с некоторых пор стала называть себя Яной.

Текста всего один абзац, а уже нужны пояснения.

Татьяна — это же не только Таня, это еще и Яна! Если усечь имя, отбросить начало. Вот почему-то Тане-Татьяне вдруг вступило в почти пятьдесят лет стать Яной. Наверное, Танька считает — так более утонченно, более стильно, что ли. Может быть. Хотя мне трудно перестроиться и Таню Кошелеву, которую знаю с первого класса, вдруг начать называть Яной.

Но — постараюсь называть именно так. Она, Таня-Яна, заслуживает почтения.

Во-первых, она интеллектуалка. Именно за это я зауважала ее уже в первом классе. Сидели мы тогда с Танькой Кошелевой за одной партой, выписывали крючочки и первые букочки. Дали нам как-то задание и поделили на две группы. Вариант 1 и Вариант 2. Чтобы не списывали у соседа по парте... Учительница, черноволосая, очкастая и крикливая, вывела мелом задание. Вариант 1. Вариант 2. Я переписала в тетрадочку с доски и догадалась, умная, что написание «вариант» — это потому, что до буквы «я» мы еще не дошли! Не знаем, как писать. Надо-то — «ВРЯНТ». А «вариант» это для тех первоклашек, которые пока еще только до декабря доучились и буквы, значит, не все знают.

Своим знанием я поспешила поделиться с Танькой Кошелевой. Как она на меня посмотрела! Ну, просто как на дурочку. Глаза у Таньки, как сказал поэт, златокарий омут. Две светлые косицы, ровненькие, и в каждой по ленточке шоколадного цвета. А манжетки всегда ослепительно-белые, кружевные.

Танька, значит, уже знала какие-то правила русского языка. Так поправила меня, что я на всю жизнь запомнила: если учитель пишет «вариант», то, значит, именно это и правильно. А «врянт» это, извините, для тупых, которые, может, и прошли уже букву «я»...

И сколько потом еще случаев было убедиться: Кошелева всегда права. К выпускному классу выросла она в стройную девчущку, про которую пожилые ловеласы говорили одно и то же: «березка». Пошлые определения порой бывают самые правильные и точные.

Действительно — Танька Кошелева всегда была складной, стройненькой, светленькой, белокожей, и глаза эти, вроде и светло-карие, но с прозеленью какой-то, и даже мягкое пришепетывание, будто листья шелестят... Березка. Русская березка. О которых ностальгируют русские, через одного, уехав за океан.

Сейчас бельковые звуки «О-У-И» издает именно она, березка Танька Кошелева. Она делает гимнастику для лица. Попробуйте выть эти гласные на протяжении пятнадцати минут каждый день — и вы будете удивлены результатом. Подтянется овал лица, появятся скулы, исчезнут носогубки! Так объясняет мне умная моя Танечка. Мы пробовали стонать эти гласные с ней на пару, но меня, конечно, хватило только на три дня.

А Танька — она молодец. У нее и овал на месте. И скулы. Да и все остальное в порядке.

Только имя вот она зачем-то сменила с Тани на Яну. Говорит: после того, как сменила имя, и жизнь тоже взяла другой вектор. И Таня-Яна даже кое с кем (хитрый взгляд круглых карих глаз из-под длинных ресниц) познакомилась. И этот кто-то совсем скоро приедет сюда, на мою старенькую дачу на Истре, под бабушкины яблони. Таня-Яна хочет нас познакомиться с этим кем-то. Потому что, скорее всего, тыфу-тыфу-тыфу, чтоб не слгзлить, именно этого человека искала и ждала она всю свою жизнь. До пятидесяти почти лет искала и ждала! Мыслимо ли в наш век больших скоростей? Мыслимо, мыслимо. И не такое бывает.

* * *

И снова вопрос: а с кем «с вами» познакомиться?

Тут все просто. Еще одна подруга тоже гостит у меня. Не делает гимнастику для лица от слова совсем; не делает вообще ничего, чтобы нравиться окружающим. Я ее просто обожаю! В детстве у нее было прозвище «Кинг-Конг». Что уже, в общем-то, символично и скажет читателю больше, чем две страницы описаний.

Ты не ошибся, милый мой читатель. Ирку Коломиец никто никогда не звал Ирккой — всегда только «Коломиец». Ведь в этой фамилии характера куда больше, чем в нежном «Ирина».

И казалось, что для Ирки Коломиец ее фамилия как ладная, по руке, кожаная перчатка. Так ей подхо-

дит, высокой, полной, решительной! Местами грубой. Но Бог, наверное, все же перфекционист. Иначе зачем аж в семнадцать лет подкинул он нашей некетливой и не склонной к романам подруге парня — водителя автобуса Ромку Хакина? Замуж она выходила, еще не достигнув восемнадцати: была глубоко беременной и очень счастливой. Сразу сменила фамилию и стала Хакиной. Хакина стерла Коломиец из нашей памяти. Ибо «ХАКИНА» хочется писать заглавными буквами, и мне, видящей в лингвистических хитросплетениях линии судьбы, хочется даже написать так: «ХА! Кина». И это «ХА!» произносить резко и на выдохе.

Хакина и Яна, вот кто б мог предположить, размышляя я, меланхолично поглядывая в окно. Кто б мог предположить, милые мои школьные подруги, что вы обретете новые имена, будто пытаетесь стереть что-то очень важное из памяти.

Ирка Коломиец, которая всегда сама тащила свой портфель, набитый не только книжками, но и тяжеленным атласом растений средней полосы, и камнями для кабинета географии, и спортивной формой для занятий легкой атлетикой; Ирка Кинг-Конг, которую боялись самые крутые мальчишки нашего класса и даже старшеклассники, а мы, девчонки, все же подсмеивались над ней втихаря. Ведь Коломиец получила роль кучера в «Золушке», а вовсе не Золушки, и даже не мачехиной дочки, и даже не мачехи... И именно она — Коломиец — первая выскочила замуж, и родила, и потом добилась каких-то неслыханных высот, стала директором одной из самых известных в городе фирм, которая занимается сопровождением грузов!

Для чайников, вроде Тани-Яны, поясню: сопровождение грузов это не когда рядом с фурой едут мотоциклисты в солнцезащитных очках, а сверху летит вертолет и пилот поглядывает вниз, на извивающуюся ленту дороги. Нет, это еще и растаможка, и сертификаты, и перемещение из одной страны в другую, и накладные, и много чего еще: от контактов на самых разных уровнях до крутых разборок.

Если что-то не так объяснила, то все претензии к Хакиной. Именно она так быстро, снисходительно и в двух словах расписала смысл своей работы нам, творческим своим подругам...

Кто б мог подумать, что Хакина станет ее подлинным именем, второй кожей. Мы никогда не зовем ее по имени, только — Хакина. Ей нравится. Хакина отражает ее суть.

Про свою семью она говорит: Хакины. Мы — Хакины. Это значит: муж, который из сублильного и кривоватого мужичонки с пшеничными усами вырос в гуру трансферов, первого заместителя Ирки, и два уже взрослых сына, удивительным образом похожих и на мать, и на отца. Хакины — это клан, это, как сказали бы в Италии, мафия. Мафия значит «семья». Все высокие, крепкие, коротко стриженные,

зычные и смелые, краснолицы, чуть хамоватые и прямые.

Сейчас сентябрь, и идет мелкий, грустный дождичек, который будто шепчет: лето кончилось, кончится и жизнь. Ну, все такое. Мне хочется хандрить, плакать и жаловаться на ноющие суставы и отсутствие грибов в лесу. Я топлю печку, слушая дурацкие звуки Тани-Яны. Сколько можно делать эту гимнастику для лица? Какая глупость, раздражаюсь я. Все равно — пройдет сентябрь, а за ним октябрь, полетят белые мухи, а там, глядишь, уже и крещенские морозы.

Хакина не подвержена рефлексии. Она на улице, в одной тонкой футболке с надписью «Хот Стафф» по арбузным грудям. Хакина перекапывает грядку под чеснок, потому что, оказывается, скоро надо сажать озимый чеснок. Она, Хакина, уже сходила к моей соседке Гальке и договорилась о посадочном материале. Хакина легко могла бы договориться и о сундуке золотых монет — ибо кто откажет крупной краснолицей женщине в тренировочных штанах и футболке, заявившейся к тебе в сумерках с лопатой наперевес? Я бы сразу сдала все ценности до последней; я и печку-то топлю не потому, что мне холодно, а потому, что Хакина строго сказала: для посадки чеснока нужна зола!

Я добываю золу для чеснока.

Скоро придет Хакина, перекопавшая грядку. Она наполнит дом шумом, она уронит стул, она будет громко смеяться, возмущаться, что телефонная связь в доме отвратительная, а ей надо позвонить Хакину и выдать инструкции по поводу груза из Кейптауна. Она уйдет из дома на улицу, на самый край дачного поселка. Там дорога идет в горку, и мобильная связь туда пробивает куда лучше, чем дома. И оттуда, словив «три рисочки» связи, Хакина раздаст всей своей мафии ценные указания. В эту минуту тишины — как раз разгорится печка и станет вдруг спокойно и уютно — придет Тania-Яна в голубом спортивном костюме и элегантно, легко присядет у огня. Положит голову мне на колени и протянет руки к печке. Я в очередной раз поражусь: какие у нее красивые, совсем девичьи руки! Аккуратные ноготочки, тронутые алым. Нежная кожа с голубоватыми жилками.

— Я такая счастливая, — прошепестит Березка. — Завтра он придет. И я познакомлю вас с ним. И тебя, и Хакину.

Хлопнет входная дверь, и на пороге появится Хакина.

— Нужна зола, помнишь? — скажет командным голосом. — И этот твой чечик завтра придет, — это уже к Тани-Яне. — Чем кормить-то будем?

И, не дожидаясь ответа:

— Значит, так. Борщ, отварная картошка, у Гальки огурцов соленных возьмем, холодца. И, это, как ее, шарлотка! Я там, на краю поселка, яблоню видела.

Хакина всегда знает, как действовать. Наверное, поэтому она — самая счастливая из всего нашего класса.

* * *

Утром погода переменится. Дождь закончится ночью, оставив о себе лишь воспоминание в виде повышенной влажности. В сентябре вообще часто так. То дождь, то солнце, то туман, то дымка, то ярко-синее небо.

Вот сейчас будто лето отыграло назад, и сегодня не только Хакина, а все мы позабыли про теплые куртки и перчатки. Тania-Яна мелко рубит собранные яблоки для шарлотки, Хакина посадила наконец чеснок, щедро всыпав в черную землю седой пепел.

Тania-Яна шепотом спрашивает меня: «Как я выгляжу?» Отлично. Ты всегда выглядишь отлично, но почему-то никогда не веришь в это.

Тania-Яна никогда не была замужем, все ждала и ждала непонятно кого. У меня и Хакиной уже выросли дети, а Тania-Яна, строгая и прекрасная, все совершенствуется, все постигает то тайны астрологии, то духовные практики, то курсы акварели, то итальянскую мозаику.

Кстати, и имя-то свое она сменила совсем недавно, увлекшись онлайн-курсом с увлекательным названием «Тайна имени». Стала Яной, и вот, глядишь ты, жизнь совершила крутой поворот и где-то на выставке в Третьяковке познакомилась Кошелева с мужчиной.

С тем самым мужчиной, как пояснила она нам. **ТЕМ САМЫМ** тоже, наверное, надо написать заглавными буквами. Когда будете читать, не забудьте закатить многозначительно глаза — это важно.

За окном скрипят тормоза, грохочет и гаснет музыка — кажется, итальянское ретро; водитель резко глушит ее и хлопает дверцей машины. Мы, три нимфы, выбегаем на крыльцо. Сейчас я и Хакина увидим Того Самого мужчину, которого выбрала наконец-то, наша привередливая подруга.

Она, кстати, призналась нам вчера, что еще хочет родить.

Сейчас все возможно. Было бы желание.

— Ха! — сказала Хакина. Я строго посмотрела на нее. Но та все равно закончила: — Раньше надо было думать, а теперь уж живи для себя, как всю жизнь прожила, попрыгунья-стрекоза.

— Очень много слов от корня «Жить», — парировала образованная Тania-Яна. — Следи за языком, Хакина. Со своим экспедированием совсем опростилась. Не претендуй на роль муравья. Он, в конце концов, просто недалекий зануда.

Это было вчера. Шел дождь и было грустно.

А сегодня — синее небо и яркое солнце, белые низкие облака и клен за забором вдруг стал оранжево-красным.

Мы застыли на крыльце, три подруги, почти три сестры, абсолютно разные. Мы все — внимание. По гравиевой дорожке легко шагает к нам невысокий крепкий мужчина в белых конверсах.

Он так властно идет, напряженившийся и излучающий энергию, что мне вдруг хочется побегать ему навстречу. Все же в этом доме хозяйка — я. Но я медлю — лишь мгновение, чтобы увидеть нас — всех трех — его глазами. Стройную изящную Таню-Яну, золотистое каре, стройная фигурка, спортивный костюм с искрой. Я — на ногах галошки, мелкая и нервная, всегда была ведь самая маленькая ростом, готовая или заплакать, или засмеяться. Хакина — полная, сильная, в своей футболке «Хот Стафф», заляпанной кофейными пятнами и, кажется, землей. Как Статуя Свободы.

Если б Стас, Станислав — так зовут Того Самого мужчину Тани-Яны — читал книги, то он, конечно, провел бы аналогию с «Иствикскими ведьмами» Апдайка. Но достаточно одного взгляда — и понятно, что никаких книг он вовсе не читал. Его сила в другом: в смуглой здоровой коже лица, в уверенной походке и в милой ямочке на щеке, в том, как артистично он вдруг останавливается, раскинув руки для объятий. В эти объятия, будто легкая птичка, летит Таня-Яна.

— Здорово, барышни! — кричит он нам.

— Здоровей видали, — отвечает ему Хакина, сразу расставляя приоритеты. Фамильярничать здесь позволительно не всем.

* * *

А потом вдруг небо резко затягивается тучами. Такое в сентябре сплошь и рядом. И ветер вдруг срывает красные листья с клена, и нагоняет холодную морось, и загоняет бабочку-лимонницу, неизвестно как залетевшую на крыльцо дома, в щель над дверью.

Но нам весело, так, как бывает старым друзьям за щедрым столом. И вновь трещит огонь в печке, и Стас, Станислав, ведь оказался действительно классным парнем! Он шутит и балагурит, он воспитан и даже оглядывается в поисках десертной вилочки — для шарлотки. Он подливает красного вина в бабушкины зеленоватые лафитники и рассказывает о том, как попал в шторм на яхте где-то у берегов Италии. Он говорит, что женская дружба — это такое же редкое явление, как цветение папоротника, и сулит такое же благоденствие. Он рассказывает, какой долгий путь он проделал — в прямом и переносном смысле, — пока нашел Таню-Яну. Намекает на свои сицилийские корни и рассказывает о розовом винограде, увивающем белую виллу на самом побережье. Он говорит, что у Тани-Яны волосы как струящееся золото, и наша милая подруга закрывает вспыхнувшее лицо тонкими пальцами. И тут мы с Хакиной одновременно замечаем на одном из пальцев коль-

цо. Ого! Еще утром его не было, этого кольца; как стремительно развиваются события!

— Пойдем, посуду уберем, — говорит мне Хакина и подмигивает. Дескать — оставим влюбленных наедине. И под столом ногой: дрыньк! У меня теперь будет синяк, точно знаю, сосудики близко расположены, а Хакина силу удара никогда не умела соизмерять...

А потом — наверное, вина было выпито многовато — я замечаю, что мою и мою посуду, а Хакиной рядом нет. Вообще никого нет, кроме отмытых, до скрипа, тарелок. И огонь в печи погас. Только угольки потрескивают. Очень жарко, очень душно. Ну, кто так топит, как в бане, в сентябре месяце?

Я выхожу на крыльцо и вижу далеко-далеко, за забором, по мокрому лугу идут в сторону леса две фигурки. Хакина и Станислав. Мне не нужен бинокль, чтобы понять, что они увлечены беседой, увлечены друг другом, и даже мокрая осенняя трава по пояс им не помеха.

«Хакина!» — хочу крикнуть я, но вдруг чувствую, как за локоть меня прихватывают тонкие стальные пальцы. Таня-Яна. Она стоит рядом со мной и так же напряженно глядится в даль.

— Сволочь, — шепчет она. — Кинг-Конг, сволочь, всегда мне завидовала, уродка.

И я вдруг понимаю: нет никакой женской дружбы. Всегда есть одна лишь зависть, ревность и подлость, припорошенные блестящим ворохом лживых комплиментов и наигранной заботы. Ничего, думаю я, возвращаясь в дом. Я им все скажу. И Хакиной, и Стасу этому мерзкому. Я расскажу им про феличиту и мамму мия.

Но они все не возвращаются. Я делаю вид, что читаю книгу, и прислушиваюсь к звукам в гостиной.

— О-У-И! — как мантру повторяет Таня-Яна.

Это хороший знак; она, значит, не опускает рук и по-прежнему хочет быть самой обаятельной и привлекательной.

* * *

Станислав больше не вернется. Он заведет машину, врубит музыку и уедет не простившись. Какой невежливый! А Хакина придет, и, шумно вздыхая, доест холодец, и поставит кипятить чайник.

Мы выйдем к ней одновременно — я со второго этажа, Таня-Яна с терраски. Но лица у нас будут одинаковые: возмущенно-осуждающие. «Как ты могла?» — можно прочитать на этих глупых женских лицах.

Хакина все конечно же прочтет. На ней все та же футболка, насквозь мокрая, а на лопатке прилип желтый лист. Осень как-никак.

— А что? — ответит она нам грубым своим голосом. — Ты все же, Танька, дура. Он из Украины приехал, Стасик этот, колбасик. Там, между прочим, жена и трое детей. Старшая дочь и пацаны-близняшки, в первый класс пошли. Каков поганец! Оно тебе на-

до? Он и мне предлагал уже жениться. Ему лишь бы пристроиться. А кольцо, кольцо-то, что у тебя, это не брюлики, это Али-экспресс.

А потом вдруг добавит совсем на другую тему:

— Волосы как золото! Струятся! Таньк, вот знаешь, у меня длинных никогда не было. А сейчас седые поперли. Мне парикмахер говорит: надо красить. А я ей так: нафига? Красить нафига волосы? Они, посмотри, седые, жесткие, крепкие и торчат вверх! Ну, не струятся. Они, волоски эти седые, как я. Такие же непокорные. А? Видели? А Хакин зато говорит мне: у тебя глаза, говорит, как синька. Видели?

И я вдруг впервые замечаю: а ведь действительно, глаза у Хакиной ярко-синие. Маленькие, очень цепкие и очень яркие. Пожалуй, ни у кого в жизни я не видела таких синих глаз, как у Хакиной.

ПЕРЕЛЕТНЫЕ АНГЕЛЫ

Было самое начало сентября — пятое число. Один из тех тишайших дней, когда пахнет яблоками и осенними цветами — астрами, хризантемами и яркими бархатцами. Сладкий тонкий аромат яблок смешивается с горьким цветочным, наверное, так пахнет начинающаяся осень. И не верится, что уже осень. Ведь тепло, и солнце яркое, и небо синее и очень чистое, и даже летают бабочки и пчелы. И паучки. На крошечных паутинках летят они куда-то, неизвестно им самим — куда. Туда, куда несет ветер.

Но осенью не только птицы улетают в теплые страны, не только паучки переселяются на серебристых парашютиках. Ангелы тоже улетают — об этом написал прекрасное стихотворение один поэт. Перелетные ангелы не сообщают людям, куда и зачем отправляются из одного города в другой, из одной страны в другую. У них, ангелов, свои дела и свои заботы.

И свои характеры тоже.

На большой старый клен возле автобусной остановки они присели отдохнуть. Молодой — Рафаил, розовощекий, с темными глазами и длинными ресницами, с нежным юношеским пушком, пробивающимся сквозь розовую кожу щек. Рафаил сердился — он был похож на обиженное пирожное, взбитые сливки с ягодами. Рафаил хотел лететь быстрее, прочь из этого города. Не потому, что ему не нравилась Москва — просто, как все молодые и энергичные, он хотел как можно скорее отправиться в неизведанные, новые города.

— А здесь-то уже осень! Осень уже! Пятое сентября, да и листья вот желтеют. Пора, пора, а у тебя все дела. Там тоже дела найдутся! Там тоже люди ждут! — кипятился Рафаил.

Второй ангел, Гавриил, был задумчивым и печальным. Даже когда он улыбался, глаза его, светло-голубые, как вылинявшее от жары летнее небо, глаза с опущенными вниз внешними уголками, оставались серьезными. Казалось, где-то в их глубине, как в бездонном колодце, плещутся невыплаканные слезы. У Гавриила были длинные белые волосы, худые руки с голубыми прожилками. Он был бледным и уставшим, ангел Гавриил, и, наверное, предложил Рафаилу присесть на старый клен просто для того, чтобы отдохнуть перед долгой дорогой.

— Осень по новому стилю, — мягко возразил Гавриил. — А по старому еще август. Двадцать третье августа. Никогда не надо торопить время.

— Дети вон в школу пошли! — показал Рафаил на автобусную остановку. Там стояла маленькая девочка Маша Копёнкина, второклассница. У нее была густая челка пшеничного цвета, конопатенький нос кнопкой, она чуть хмурила светлые бровки. Маше не нравилось, что за руку ее цепко держит дед Андрей Васильевич. Дед, в крепких кожаных сандалиях, которым было, пожалуй, уже лет двадцать, в немодных брюках, подтянутых выше талии (так носили в его, дедовой, молодости, а в старости привычки менять не хочется), с Машиним рюкзачком в одной руке, другой рукой держал внучку. Будто что-то может произойти здесь, на этой тишайшей улочке, когда само время, кажется, замерло.

Маша сердилась — и была этим похожа на ангела Рафаила. Ей тоже хотелось рвануть куда-то вперед, прочь от скучного Андрея Васильевича, топнуть лаковой туфелькой, перепрыгнуть через две ступеньки. Ходить в школу одной, самостоятельно, без обременения в виде любимого, но такого занудного дедушки. Она уже взрослая — через месяц ей восемь лет!

Андрей Васильевич светло-голубыми, будто подернутыми пеленой слез, глазами, бледностью лица напоминал ангела Гавриила. И руки — такие же худые, в жилках, в выпуклых венах. Усталые руки человека, который много работал. Грустные глаза человека, который много страдал.

Два года назад Андрей Васильевич схоронил любимую жену, с которой прожил, ни много ни мало, пятьдесят один год. Маленькую Машу, внучку, назвали в честь бабушки Марьи Алексеевны. И чем старше становилась Машутка, тем больше напоминала она Андрею Васильевичу Машеньку-бабушку. Упрямой рыжинкой, конопушками, быстрой сменной настроений, подвижностью и обидчивостью, но и справедливостью, и бойким умом, и даже умением обращаться с нитками-иголками. Бабушка Маша была знатной вышивальщицей, и маленькая Маша неожиданно для всех тоже увлеклась пяльцами и цветными нитками.

Когда маленькая Маша сидела под теплым светом торшера и тщательно выводила крошечные

стежки, высунув от усердия язычок и чуть хмурясь, Андрею Васильевичу казалось, что это его Марья Алексеевна превратилась опять в девочку, начала свою жизнь сначала. И он радовался и умилялся цикличности жизни, тому, что ничего не заканчивается. Весной тает снег, и на черной, кажущейся безжизненной земле вдруг из ничего пробивается первый золотой цветок, семечка точно такого же цветка, заснувшего вечным сном холодным ноябрьским днем.

Маленькая Маша была в жизни Андрея Васильевича единственным, что еще держало его здесь. Он хотел увидеть, как из червячка, куколки вылупится прекрасная бабочка и полетит в большую жизнь, навстречу солнечным лучам. Она будет лететь не оглядываясь — главный знак того, что впереди ее ждет одно лишь сплошное счастье и любовь. И тогда он, Андрей Васильевич, встретится наконец со своей Марьей Алексеевной, по которой он страшно скучает каждый день. Они будут разговаривать долго-долго, в основном, конечно, о Машеньке-младшей. Но и вспоминать. Им есть о чем поговорить и что вспомнить — пятьдесят один год воспоминаний, которые пока Андрей Васильевич перебирает бессонными ночами как сухие цветы, заложенные когда-то между страниц книги, как старые открытки от друзей, написанные сорок лет назад с курортов Гагры и Сочи, как пожелтевшие фотографии с фигурной обрезкой по краям.

Андрей Васильевич крепко сжимал ручку Машеньки, хотя и чувствовал, как она хочет вырваться, как она горяча и беспокойна. Но разве можно отпустить самое дорогое, что есть в жизни?

Тем более — опыт подсказывал — все что угодно может произойти. Все что угодно... Вот рядом на скамеечке сидит какой-то сомнительный худой торчок. Бледный, в каплях пота, бессмысленный взгляд, на невымытые волосы натянут капюшон курточки, и дрожит весь, хоть тепло. Наркоман. О-хо-хо, Машенька, руку-то не выдергивай, сейчас наш автобус подойдет, уедем. Две остановочки всего ехать.

Будто почувствовав на себе неодобрительный взгляд старика, Игорек — именно так звали наркомана — спрятал руки в карманы. Дед верно просчитал и его лихорадочную дрожь, и бисеринки пота на лбу, и дрожание тонких губ. Игорьку было очень, очень плохо. Когда и как началась дурная зависимость? Разве мог понять этот правильный старик, проживший, без сомнения, очень хорошо и верно свою жизнь, как бывает плохо и тяжело, когда тебе восемнадцать, а ты настрадал уже на все семьдесят пять. Когда каждый день просыпаешься с головной болью, и это облегчение — проснуться, потому что во сне за тобой гоняются зеленые твари с бластерами, и чудовища выжирают твое горячее и пока еще живое сердце. Чего смотришь, старик, раздраженно думал Игорек. Видел бы ты хоть раз в жизни такой

вот сон, вырваться из которого все труднее и труднее. Ах, как хотелось бы снова стать маленьким, чистым, невинным. Атласные розовые пятюльки, мыльные пузыри в ванной с водой, и мама стоит рядом в халатике, смеется. Резиновый желтый утенок смело бороздит волны. Он не потонет, он преодолеет любой шторм. «Игорек, осторожней, мыло в глаза попадет — щипать будет!» — говорит она.

Чего бы только не сделал Игорек, чтобы не огорчать ее, маму, чтобы и дальше летели радужные легкие пузыри, чтобы мама всегда была молодой.

Но вернуться в то состояние счастья возможно только если прекратить пульсирующую головную боль и холодную дрожь. Прогнать голодного монстра, пожирающего живое сердце. Только так — и значит, нужно тащиться на другой конец города, туда, где живет торговец счастьем. Или торговец несчастьем? «Как же я ненавижу вас, люди, — думал Игорек. — Вы такие сытые, такие благополучные, вы спите ночью, вы видите солнечный свет. Вот ты, например», — мысленно обратился он к высокой женщине в легком плаще. Та собиралась переходить дорогу по «зебре». Рядом с ней крошечная собачка-йорик; у собачонки забавная челочка собрана розовой резинкой на лбу, чтобы волосы не лезли в глаза. Собачка глупая и веселая. О ней заботятся и любят, люди улыбаются ей, — не то что колотящемуся от зноба Игорьку. «Королева Марго», назвал он мысленно женщину. Было в ней что-то от королевы...

— Подожди, — строго сказала женщина собачке. — Дашка, подожди. Машина проедет, и пойдем на ту сторону.

«НА ТУ СТОРОНУ, НА ТУ СТОРОНУ, НА ТУ СТОРОНУ, — стучало в висках Игорька. — ПОЙДЕМ НА ТУ СТОРОНУ».

Зря Игорьку показалось, что Королева Марго надменна. Она была, скорее, грустна. Собачка-йорик Дашка досталась ей от старой тетушки Валерии, тетушки, которая была, конечно, непростым человеком. Была тетушка Валерия когда-то замечательным врачом-хирургом. Резала, отсекала больное. Чтобы вылечить — надо сделать больно, считала Валерия Львовна. И говорила так же: резко, безапелляционно. Кому такое понравится? Вот и племяшке не нравилось, и обижалась она на Валерию Львовну, и говорила много раз сквозь слезы: вот если б была жива мама...

А Валерия Львовна вскидывала правую бровь иронично и отвечала: «Конструкцию «если бы» употребляют только слабые, неуверенные в себе неудачники. Им вечно что-то мешает». Добивайся! Добивайся, иди вперед.

Когда-то Валерия Львовна буквально вырвала из детского дома эту девочку и собиралась бороться за нее и дальше. С ее многочисленными диагнозами и болезнями, с заиканием, с неправильным прикусом и косоглазием. А потом — с плохими, недостойными

ухажерами. И с первым мужем, изменщиком и пьяницей. С теми, кто обижал по работе. С теми, кто обсчитал на рынке, с невежливым соседом, с автомобилистами, паркующимися под окнами, — со всем миром. Последние пять лет Валерия Львовна стала совсем уже слабой и немощной, но по-прежнему считала себя влиятельнейшей и умнейшей особой, и, мысленно, в руках ее всегда был острый скальпель, которым она отсекала лишнее.

Лишним в итоге в жизни оказалось всё — кроме маленькой глупой собачки Дашки. Именно она и досталась в наследство «Королеве Марго». Да еще роскошная медицинская библиотека Валерии Львовны и хрустальная пепельница: старуха до последнего дня курила. Квартиру свою она завещала приюту животных. А племянка обижена быть не должна. Негоже это — одаривать взрослых детей наследством, они должны добиться всего сами.

«Королева Марго» не обижалась на Валерию Львовну. Она продолжала все время разговаривать с ней — теперь уже мысленно. Что-то объясняла, доказывала, пыталась отстоять себя. Но сделать это было уже невозможно. Будто сквозь туман буровил ее насмешливый глаз из-под иронично поднятой брови, сухая жилистая рука по-прежнему сжимала острый скальпель, легко парируя любую претензию. Срезая ее еще на подлете...

Собачка-то, Дашка эта, была глупейшим и милейшим созданием. Она почти не вспоминала Валерию Львовну, с которой прожила душа в душу несколько лет. Ей было весело, Дашке, и она одна из всех присутствующих видела двух ангелов на большом клене. Молодой ангел заметил, что собачка машет ему хвостом. Он обрадовался и приободрился — ангелы очень любят и кошек, и небольших веселых собачек.

— Видишь, — сказал Рафаил. — Осень все же. И листья желтеют. А ты заладил: август, август...

Он протянул руку и сорвал один-единственный желтый кленовый лист. И бросил его вниз.

Кружась, лист полетел на разогретый асфальт. Рафаил хотел, чтобы его схватила собачка. Собаки обожают играть и делать вид, что они охотятся. Но не пойми откуда налетевший порыв ветра подхватил лист и погнал его прочь, на дорогу. Глупая Дашка рванула за ним, а Королева Марго не заметила, она все вглядывалась в насмешливые брови Валерии и раздумывала, что бы такого сказать ей еще.

Большая серебристая машина, конечно, превышала скорость. Ее водитель, Аркадий Мельниченко, очень торопился. Ранним утром этого навсегда счастливого теперь дня у него родился долгожданный сын. Аркаша и его жена Ольга были уже немолды, для того, чтобы малыш появился на свет, они долго лечились, прошли через множество унизительных для Аркаши процедур... Но все стоило того; вот правда же, стоило — он вспоминал счастли-

вые глаза Ольги, когда та пришла от доктора и сказала, что ребеночек развивается хорошо и что это мальчик.

Мальчик, сын! Господи, какие же они теперь будут счастливые. Аркаша знал, что его вряд ли пустят к Ольге прямо сегодня. Она, сказал доктор, спит после кесарева. Ей надо восстановиться.

Но Аркаша не мог не лететь к дому, где сейчас спит его Оля, жена и мать. И где-то умильно зеваает, открывая крошечный ротик, маленький мальчик, которого он еще ни разу в жизни не видел, но любит уже больше всего на свете.

Откуда-то прямо из-под колес автомобиля выскочила крошечная собачка. Все произошло так стремительно и неожиданно — Аркаша вывернул руль резко вправо и влетел прямо в остановку, где были люди. Страшно закричала высокая худая женщина, старик пытался закрыть собой девочку с конопущками, но что он мог против груди стремительно летящего серебряного металла... Только молодой парень в куртке с капюшоном улыбался. Его головная боль, похоже, сейчас прекратится навсегда — и избавление от нее было странным и непонятным счастьем.

А лохматая Дашка даже не поняла, что произошло. Она схватила наконец кленовый желтый лист и гордо посмотрела вверх, на ангелов. Смогла поймать!

Ангелы смотрели на людей, на маленькую собачку и на все, что от них осталось... Старик так и не дотронулся до головы внучки — рука повисла в воздухе; солдат-дембель с белыми кантами вокруг погон и с самодельным значком «Войска дяди Васи», лежал, неловко подвернув ногу; мальчик-наркоман, ждущий освобождения, дергал синими губами и пустил розовые пузыри.

— Ты что натворил? — одними губами спросил Гавриил.

— Я не знал... Я случайно. Я не думал, — лепетал Рафаил.

— Срочно звони Главному, — сказал Гавриил. — Пусть отменит последнее действие. Контрл-зэт, кажется...

— А так что, можно? — с надеждой спросил Рафаил.

— В исключительных случаях — можно... Если Главный согласится. Ох, молодежь, молодежь... Сам будешь объясняться. Никогда торопиться не надо.

* * *

Ангелы сидели на ветке клена и смотрели вниз, на людей и маленькую собачку. Собачке было скучно и хотелось поиграть с девочкой, но ту крепко держал за руку строгий старик.

— Собаку свою на поводок возьми, — сказал он ее хозяйке, высокой худой женщине.

— Она не кусается, — вяло огрызнулась та. Но присела на корточки и прицепила к ошейнику Дашки кожаный поводок.

Маша Копёнкина вздохнула. Дед такой зануда! Вот и на парня этого смотрит сердито. А парень симпатичный, только очень уж грустный.

А солдатик-дембель, тоже стоявший на остановке, весь излучал радость и позитив. Он улыбался каким-то своим воспоминаниям, которые, кстати, сегодня из воспоминаний должны были превратиться во вполне реальное счастье. У счастья были длинные светлые волосы, лисьи глаза с прозеленью, целое созвездие родинок на плечах и нежное имя Элина.

Возле остановки притормозила серебристая машина. Мужчина средних лет, с легкой проседью, в модной кожаной куртеечке, опустил стекло и спросил:

— Не знаете, где здесь цветов купить? У меня счастье. Сын родился!

Он, конечно, прекрасно знал, где в своем родном районе можно купить цветы. Просто почему-то ему вдруг захотелось поделиться своей радостью с этими людьми, случайными прохожими.

— Я так хочу, чтобы сегодня все были счастливы! — сказал он, и все заулыбались.

Улыбнулся и ангел Рафаил. У них, молодых, есть такое свойство — быстро забывать плохое.

Рафаил чувствовал, что Гавриил им недоволен. Он примиряюще сказал:

— Все-таки, пожалуй, ты прав. Еще лето. Ни одного желтого листа — деревья все зеленые.

А ангел Гавриил не улыбался. Он продолжал сердиться на глупого Рафаила, за которым глаз да глаз. С ним, с этим Рафаилом, еще такой долгий путь предстоит! Главный расстроился и отправил ангелам сообщение: «Листочек клена верните на место. Своих полномочий не превышайте. Никого не спрашивайте про утраченный юг. В тундре берегите крылья».

КУКУШОНОК

Когда я думаю о Манечке, то вспоминаю почему-то один и тот же эпизод. Их с Николаем Федоровичем подмосковную дачу, маленький уютный домик среди старых яблонь. Сад заросший, но абсолютно прекрасный; густая зелень всех оттенков, от темно-изумрудного до ярко-салатового, дрожит под сильным летним дождем. Конец июля, и ливень сбивает вниз, в высокую шелковую траву, первые летние яблоки. Манечка, — крошечная, невесомая, полупрозрачная, как всегда, в белой, вязанной собственными руками, беретке, в длинном полупрозрачном балахоне, — сидит на застекленной террасе в кресле-

качалке. Такие вот кресла-качалки обожают классические бабушки и маленькие девочки; а она, Манечка, как раз и являет удивительный синтез этих двух ипостасей женского возраста. По паспорту ей около шестидесяти, по манере говорить и удивляться всему на свете, капризничать и кокетничать — не больше восьми.

Манечка хмурит едва заметные бровки и, вытянув губы трубочкой, обиженно говорит-поет тонким голосом: «Надоеееел этот дооождь...»

Стоп-кадр. Манечка в светлом, терраса, теплый сильный дождь. И ее любимый Николай Федорович — старше на десяток лет, но бодрый и молодежь, с белыми старомодными усами, в вечной своей фуражке, зовет нас пить чай с мятой. Кажется, что где-то там, на старой даче под яблонями, они всегда живы и по-прежнему влюблены друг в друга, как подростки; и остро пахнет свежей мятой и первыми яблоками. И обязательно идет дождь.

* * *

Долгое время Манечка была для меня «той самой знаменитой Машей», Марией Ольховниковой, молодой женщиной, которая шила платья моей маме и ее сослуживицам. Мария Ольховникова жила в районе Текстильщики, и мне, ироничной школьнице, казалось это невероятно смешным. Кстати, слегка отступая от темы — связав жизнь с полиграфией, я, ведомая все той же невидимой рукой судьбы, переехала в район Печатники... Но тогда, на излете перестроечных времен, тотальный дефицит гнал московских модниц в искусные руки подпольных модельерш, самой стильной и запоминающейся из которых была Мария, Маша, Ольховникова. Ей тогда было, наверное, около тридцати — чуть-чуть больше. Улавливая модные тенденции буквально из воздуха, из каких-то «Бурда Моден» и редких трансляций «Ритмов зарубежной эстрады», Мария творила своими маленькими руками портновские чудеса. Повезло как-то и мне приобщиться к бесконечной веренице ее клиенток: на выпускной вечер, выкроив в своем плотном графике окошечко, Манечка за какие-то пару вечеров сотворила мне знаменитое выпускное платье нежно-сиреневого цвета. Однотонное и довольно скромное платье, которое, тем не менее, выглядело и празднично, и торжественно одновременно. Потом многие годы оно, это платье, выручало меня в торжественных случаях, когда выглядеть надо было на пять с плюсом... Каждый раз, пролистнув в шкафу разноцветье одежды на вешалках, я снова и снова выбирала это сиреневое платье, быстро и легко скроенное талантливой рукой.

Платье служило еще долгие годы, а вот Мария Ольховникова из «той самой знаменитой Маши» стала «милой Манечкой» и шить на заказ перестала. Так, кроила что-то для близких подруг и для себя. Перемены в жизни связаны, конечно, с женщиной.